

УДК 232
ББК 86.37
Д40

Джебран, Халиль Джебран.

Д40 Иисус Христос — Сын Человеческий : [перевод с английского] / Джебран Халиль Джебран. — Москва : Алгоритм, 2015. — 304 с. — (Биография пророка).

ISBN 978-5-906789-83-9

В 1928 году в США было создано одно из самых загадочных и необычных произведений об Иисусе. Написал его ливанец, поэт, художник и философ Халиль Джебран. Восток взглянул в глаза Западу, страстность христианства отразилась в поэтическом слого арабских традиций. «Иисус Христос – Сын Человеческий» – свидетельство веры, прозрения и любви.

Ценность взгляда автора на Иисуса – не в обожествлении Назаретянина, как это обычно делают религиозные писатели, но в исследовании его Пути и Учения на начале человеческого. Джебран своим трудом подводит нас к мысли о том, что Путь Христа возможен для человека.

УДК 232
ББК 86.37

ISBN 978-5-906789-83-9

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научно-популярное издание

БИОГРАФИЯ ПРОРОКА

Джебран Халиль Джебран

ИИСУС ХРИСТОС – СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Редактор *Е.О. Мигунова*
Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>

Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 23.09.2015.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906789-83-9

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Джебран Халиль Джебран — это особое имя в истории арабской литературы и философской мысли XX века. Ливано-американский, что само по себе примечательное сочетание, философский эссеист, романист, мистический поэт и художник известен всему миру, издается на многих языках и является самым читаемым арабским писателем и на Западе, и на Востоке.

Творчество Джебрана — синтез культур Востока и Запада. Может ли такое быть? Многие пытались, но не у многих это вылилось в органически прорастающее мировоззрение. Что способствовало тому: ливанская христианская семья или американские приключения, или европейская литература и живопись?.. Возможно, намек на ответ можно найти в биографии.

Халиль Джебран родился 6 января 1883 года в небольшом горном селении на севере современного Ливана. В семье были еще старший брат Питер и две младшие сестры. Жизнь, полная спартанской бедности, не позволила в детстве получить хорошее образование. Обучение Халиля ограничивалось посещением местного священника, преподававшего языки, Библию и естествознание. Что само по себе — свидетельство противоречий, сопровождавших Джебрана по жизни. Священник, преподающий естествознание. Страна, где христианство и ислам стал-

живаются постоянно. Мальчик рос в христианской среде и часто оказывался свидетелем розни между христианскими и мусульманскими общинами. Впоследствии это отразилось на его устойчивой позиции, которую некоторые имеют языческой, а другие человеческой.

Когда ему исполнилось двенадцать лет, мать Джебранна Камила в поисках лучшей жизни решила перебраться в Америку. Уже в Бостоне он поступил в учреждение милосердия для детей иммигрантов. Обучение давалось Джебрану с трудом, сказывалось незнание английского. Однако сразу были замечены его способности в изобразительном искусстве.

Скоро молодой Халиль Джебран увлекся мифологией, историей. Запад захватывал его своей свободной культурой: театры и галереи, литературные собрания. Здесь он усваивал новые эстетические взгляды, задавался новыми вопросами мировоззрения.

Джебран начал рисовать эскизы для обложек книг и журналов. И вскоре нашедшая его на этом поприще широкая известность стала даже мешать учебе. В 1898 году он уезжает на родину в Ливан, чтобы завершить образование, в особенности изучение языков — арабского, сирийского, английского.

В Бейруте он поступил в школу «Мадрасат Аль-Хикма» — «школу мудрости» — для изучения религиозных текстов и религиозной истории. Продолжая по заказу рисовать эскизы к книгам, юноша занимался иллюстрациями для журнала, изучал французский язык, увлекался французской романтической литературой, знакомился с творчеством арабских просветителей.

В 1902 году Джебран заканчивает школу. В это же время начинается полоса несчастий. Он узнает о болезнях его родных в Америке: о начальной стадии рака у матери, о кишечном заболевании сестры. Халиль спешит обратно в Америку. Совсем скоро приходят беды одна за другой:

скоропостижно скончалась сестра Джебрана, брат Питер заболел смертельной болезнью, и в это же время покинула мир его мать. Молодой человек остался один, без родных, в чужой стране. Возможно, именно этот надлом потребовал дополнительного творческого русла, и примерно в это время он кроме рисования начинает заниматься писательством, вначале на арабском языке.

В 1904 году в Нью-Йорке были опубликованы его первые книги: «Видение», «Огненные буквы», «Жизнь любви», «Музыка». Вскоре друзья помогают Джебрану организовать и открыть выставку его художественных работ, которая имела огромный успех. Именно там он познакомился с директором одной из бостонских гимназий Мэри Элизабет Хаскелл. Дружба с этой образованной и глубокой женщиной во многом определила его взгляды как литератора и как человека.

В нью-йоркском еженедельнике «Аль-Мухаджир» печатались поэмы, рассказы и эссе Джебрана на арабском языке из сборника «Слезы и улыбки». На арабском он издает книгу «Нимфы долины», а затем и «Духовный мятеж», обличающий социальную несправедливость в Ливане XIX века и засилье религиозного догматизма.

В 1908 году Джебран отправился в Париж для совершенствования в живописи и прожил там около двух лет. Он был очарован атмосферой Парижа — культурного и интеллектуального центра Европы начала XX века. Занятия в Академии изящных искусств, уроки живописи, самоисследования, поиск собственного стиля в живописи и литературе... Джебран познакомился с замечательнейшими деятелями искусства той поры — Роденом, Дебюсси, Метерлинком, Ростаном. Его знакомство с Огюстом Роденом переросло в настоящую крепкую дружбу, дружбу на всю жизнь. В Париже началась работа над большим романом «Сломанные крылья», тут же издана на французском новелла «Марта из Бана».

С 1910 года Джебран окончательно поселяется в Нью-Йорке. Он арендовал студию в центре города, где прожил всю оставшуюся жизнь — до 1931 года. Продолжается работа над романом «Сломанные крылья», который будет закончен в 1912 году. Это самое большое произведение из его арабских романов. Джебран пишет книги, приносящие ему мировую славу.

В 1918 году Джебран сказал Мэри о том, что начинает работу над новой книгой «о человеке из острова» — это были первые наброски его самой знаменитой книги «Пророк». Известность Джебрана становится все шире, его начинают сравнивать с Рабиндранатом Тагором и Уильямом Блейком.

Появился первый большой сборник произведений «Мятежные души», который на родине писателя в Бейруте был сожжен на главной площади. А все творчество Джебрана в Ливане было объявлено еретическим. Последующие свои работы Джебран пишет уже только на английском. Однако это не уменьшило уверенности автора в своем мессианском предназначении... И через три года вышел в свет знаменитый и проникновенный «Пророк» — своеобразный эпиграф ко всей его жизни.

Теперь все свои силы писатель отдает своему самому объемному произведению на английском языке «Иисус, сын Человеческий». Это одно из самых загадочных и необычных произведений Халиля Джебрана. Этому поэтическому свидетельству рождения, жизни и вознесения Мессии, вероятно, сложно дать не только однозначную, но и вообще оценку. При прочтении кажется, что если бы его не написал Джебран, оно должно было родиться из-под руки кого-то другого, но обязательно должно существовать. Однако Джебран выполнил свою миссию.

К 1928 году здоровье Джебрана заметно ухудшается. Он страдает от болей и прибегает к алкоголю. К концу года он заканчивает работу над книгой «Иисус», получает

многочисленные положительные отзывы. Однако Джебран впадает в депрессию, глубоко переживая из-за потери, по его мнению, творческих способностей. Врачи обнаружили у него увеличение печени и рекомендовали строгое лечение, но писатель игнорировал их наставления и продолжал работать, выпуская новые книги.

Здоровье Джебрана еще более ухудшилось, и 10 апреля 1931 года он скончался в одной из Нью-Йоркских больниц с диагнозом «рак печени». Джебран был похоронен в родном селении Бшарри, как того и желал. Еще один сын человеческий, о деяниях которого все еще ведутся споры, покинул мир. Но остались его книги. Перед вами одна из них.

ИИСУС ХРИСТОС — СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Прелюдия. Слезы поэта

Сидя на берегу озера у Гластонбери, блуждая взглядом по берегам и вслушиваясь в долетавшие с дороги голоса, я с удивлением заметил, что со мною рядом присел незнакомец, показавшийся мне отчего-то и близким, и родным. Он молчал, просто сидел рядом и смотрел на озеро. Лицо его было серьезно и печально. Я с беспокойством разглядывал его бледность и уже подумывал, а не расправить ли мне крылья, не улететь ли на Авалон, ибо, вполне возможно, присутствие мое мешает размышлениям моего печального чужого друга. Неожиданно он взглянул на меня и сказал мягко: «Подожди еще немного, прежде чем улетать на Авалон».

Я был поражен. Откуда знать ему о том, что Владычица Озера пригласила меня к себе на Авалон? Тонкая улыбка коснулась уст его. «Ты знаешь меня, сын ветров, уже давно знаешь. Читал слова мои, и были они и утешением тебе, и горем страшным одновременно. Ты никогда не понимал, почему желал я умереть столь рано, а что вообще ты понимал?» Я осторожно придвинулся к нему. Огромные глаза под полукружьями темных бровей смотрели на меня испытующе и всепонимающе. И тут неожиданно я понял, кто предо мной предстал. Теплая боль затопила мою душу. «Да, — сказал я. — О сколь часто Ты был мне братом и советчиком». Сын Человеческий опустил глаза к земле. «Я? Советчиком?» — «Да, но отчего же ты сомневаешься в себе?!» — в неподдельном удивлении восклик-

нул я. «Я до сих пор чужой в мире этом», — сказал он от-вергнуто и беспомощно. И, словно бы желая доказать сло-ва сии, его уста произнесли: «Мы — сыновья страдания, сыновья страдания. А страдание есть тень Господа, что в сердце обозленном не нашел себе приюта. Мы — духи страдающие, и мука наша слишком велика, чтоб в сердце малом уголок найти. Большинство людей меня не понима-ют, но я дарую им все мое сочувствие. Не понимают зова моего, ибо шум дня закрался в уши их, забив их серны-ми пробками равнодушия, и истины моей они не слышат. Меня не слышали даже самые близкие, подвижники, дру-зья, ученики, а я упивался пением их душ. Мы с тобой, Ха-лиль, поэты, пророки и музыканты. Во имя Бога ткем мы плат нетленный из нитей сердца. Расскажи им правду обо мне, а то устал я, что меж мною и людьми лежит пропасть из слез и крови. Слез поэта и крови пророка. Расскажи им, Хаилиль, обо мне. Расскажи...»

Свидетельские показания Иакова, сына Зеведея

О царствах на земле

Люди поделены на племена и роды, при-надлежа градам и странам. Я ж чувствую себя чужим, совсем чужим в обществе их много-гранном. Вселенная — моя отчизна, и человече-ство — мое же племя. Слишком слабы люди, и горько мне, что столь разобщены они. Земля же так тесна, что глупо было по царствам, импери-ям и провинциям расчленять ее.

Признание Сына Человеческого

Однажды в самом начале года Иисус стоял на базар-ной площади Иерусалима и беседовал с народом о множе-стве царств небесных.

Он обвинял книжников и фарисеев в причинах заката родной земли и ошибках страшных; он не просто обвинял, он разоблачал их.

И тут среди толпы появилась компания людишек, защищающих фарисеев и книжников, они осмелились поднять руку на Иисуса и на нас, его товарищей, в том числе.

Но уклонился от ударов он и пошел прочь от них, в направлении северных врат города.

И сказал нам: «Не пришел еще, как видно, час мой. Хотя многие уже, я видел, стояли тихо среди нас, и многие внимали словам моим о судьбе земли нашей».

Тут он изрек с радостью и торжеством: «Мы двинемся в северные земли, начало там всему положим. Идемте же со мной к холмам, ибо зима прошла и снег ливийский сошел уж с долин, горланя песни вместе с ручейками.

Поля и виноградники изгнали сон и пробуждаются навстречу солнца приветствиям, в ответ произнося здравицу инжиром и мягким виноградом».

И он пошел вперед, мы двинулись за ним, как ночь тихонько следует за ясным днем.

И где-то около полудня того же дня добрались мы до вершины горы Ермонской, и тут остановился он, любуясь на раскинувшиеся внизу, на равнине, города.

Лицо его, казалось, сияло золотом расплавленным. Он вскинул руку и так сказал нам:

«Прежде чем земля укроется зеленым одеяньем, увидим мы, как реки окаймят свои наряды серебром.

Воистину справедлива земля ко всем, кто справедлив с ней.

Но по ту сторону царства сего все, что вам встретится, подвластно моей лишь воле. И если выбор, желанье ваше на стороне моей, ступайте вслед за мной и правьте со мною вместе.

Мое лицо и ваши лица не должны быть масками прикрыты; наши руки не должны ни меч, ни скипетр держать,

мы ж сами любить должны друг друга в мире, и не должно опасности исходить от нас».

Так говорил Иисус, и царствам земным не было дано ослепить меня со всеми городами их под защитой стен и башен; в сердце моем я следовал дорогой Учителя, ведущей в его, и только его, царство.

В этот самый момент шагнул вперед Искарriot Иуда. Подошел к Иисусу и сказал: «Царство земли сей обширно, а города Давида и Соломона должны вновь одолеть Рим. Если ты захочешь царем стать иудейским, мы станем на сторону твою с мечами и щитами, мы победим захватчиков».

Но когда Иисус услышал сие, он навис над Иудой, лицо его исполнилось ярости и гнева. Когда заговорил он, голос его ужасен был, словно гром небесный, и сказал он: «Изыди, сатана. Подумал ты, что я пришел сюда годами править ради суетного дня?»

Мой трон есть трон, виденьям твоим подлым недоступный.

Неужто должны живущие пугаться и превозносить одетых в саван?

Царство мое не на этой земле, и место мое не среди родов ваших.

Если вы не ищете спасения в царстве духа, тогда было бы лучше для вас оставить меня здесь и идти вниз в пещеры ваших мертвецов, там коронуют ваши головы в могилах холодных их, и тишина подарит ужас вам подле костей ваших предков.

Посмеете ли искушать меня короною отбросов, коли взор мой Плеяды ищет, или вознамеритесь терниями истыкать?

Кто же ты и что ты, Искарriot Иуда? И почему ты искушаешь меня?

Воистину ты оценил меня своею меркой и нашел меня одним из легионеров армии ничтожных.

Ваши священнослужители и император ваш жаждут крови моей. Они обрадуются, как только я уйду отсюда. Я не хочу менять течение жизни. И не хочу я управлять глупцами. Позвольте невеждам воспроизводить самое себя, жалуясь затем на усталость от собственного потомства.

Позвольте слепцам оставаться слепцами в западне.

Мое царство не на сей земле. Мое царство там, где двое или трое из вас живут в любви и в восхищении от прелестной жизни и в доброте, и в памяти обо мне».

Тут он внезапно повернулся к Иуде и сказал: «Лучше ступай за мной, человек. Твое царство должно быть подле меня в моем царстве».

Смеркалось, он развернулся к нам, сказав: «Пойдемте вниз. Ночь уж на пороге. Но да пребудет время света вечно с нами».

И двинулся он прочь с холма, мы ж следовали за ним покорно. Иуда тоже шел вдали. И когда вернулись мы в низину, была уж ночь.

Фома, сын Диофана, сказал Иисусу: «Учитель, темно уж, не можем мы и далее блуждать в потемках. Коли хочешь, отпусти нас к свету той деревни, чтоб могли найти мы пропитанье и приют».

И Иисус Фоме ответил: «Я вел к высотам вас, когда вы были голодны, и я же провел сюда вас на равнину в великом голоде. Идите. Я же не могу остаться с вами этой ночью. Хочу побыть один».

К нему тут двинулся Симон Петр со словами:

«Учитель, не мучайся здесь в одиночку в темноте. Позволь остаться нам с тобою здесь, на обочине дороги. Ночь и тени ночи не желают мешкать, и завтра солнце встретить мы с тобой хотим».

Тут мы столпились вокруг него, не желая и боясь его оставить.

Долго мы стояли так, лица обратив к нему, и зрели одинокое величие его, трогательную отчужденность.

Только один человек из нас не обратился к нему, в его одиночество. Искарот Иуда.

С того дня Иуда сделался угрюм и отчужден. И тень опасности залегла в его глазах.

*Говорит Сын Человеческий
«Земля совершенства»*

Бог, утеревший душу, ты, потерявшийся среди других богов, услышь меня! Добрая богиня Судьбы, что наблюдает за нами, безумный странствующий дух, услышьте меня!

Я пребываю среди совершенной расы, я — самый идеальный — становлюсь абсолютным. Я, человек хаоса, смута перепутавшихся элементов, я странствую среди совершенных земель — народами собранных законов и целомудренных приказов, что вместе были набраны, что грезами и снами в порядок были приведены, что в список внесены виденьями большими и ими же записаны. Их добродетель, о Бог, была чрезмерна, их грехи были оценены по достоинству, и даже бесчисленные вещи, что пробрались в тусклые сумерки ни-греха-ни-добродетели, были здесь записаны.

Здесь дни и ночи были поделены по сезонам руководством и управлялись правительством безупречной аккуратности.

Еда, питье, сон, покрывала, скрывающие наготу, и в те уж времена утомляли. Работа, игры, пение, танцы и тому подобное подлежали тишине, когда раздавался бой часов. Мыслили и осязали сходным образом, и прекращали мыслить и осязать, когда уверенная звезда поднималась над молодым горизонтом.

Грабили соседей с улыбками, подносили яд с грациозным взмахом руки, восхваляли осторожность, обвиняли осторожных, разрушали душу словом, обжигали тело дыханием, а затем умывали руки, когда деянья дней исполнялись.

Любили в соответствии с приказами большинства, развлекались сами с собой в заранее предписанной манере поведения, поклонялись богам приличий, интриговали ловчее дьявола, — а затем забывали обо всем, как будто память была мертва.

Выдумывали мотивы, презирали с предупредительностью, были сладостно счастливы, страдали благородно, — а затем опорожняли чаши, чтобы завтра вновь суметь наполнить их до краев кровью.

Все здешние мысли, о Боже, были задуманы с предусмотрительностью сатаны, рождались с решительностью, вынынчивались с требовательностью, управлялись по правилам, направлялись доводами, а затем убивались и уничтожались в полном соответствии с предписанными методами. А еще их молчаливо хоронили, положив в могилу вместе с человеческой душой, отмеченной и пронумерованной.

Это — совершенная земля, земля абсолютного превосходства, земля величайших чудес, явленных плодов из сада Бога, сего ведущего мыслителя Вселенной. Но кем же мне придется стать здесь, о Бог, ведь я — зеленое семя неосуществленных страстей, безумная буря, что рыщет в поисках покоя на западе и на востоке, смущающий разум фрагмент пылающей планеты?

Кто я здесь, о Бог, потерявший душу, ты, потерявшийся среди иных богов?

Свидетельские показания Анны, матери Марии

О рождении Иисуса

В том городе, где я родился, жили одна женщина и дочь ее, которые странствовали по своим снам. Однажды ночью, когда тишина окутала землю, женщи-

на и ее дочь бродили по снам, пока не встретились в своем мглисто-укрытом саду.

И мать сказала: «Наконец-то, наконец, противница моя! Ты — та, которая была моей молодостью, что разрушена теперь, ты — та, которая создает свою жизнь на руинах моей собственной! Как бы я хотела суметь убить тебя!».

И дочь заговорила с нею: «О ненавистная женщина, эгоистичная и старая! Та, что стоит между моей свободной душой и мной! Та, что хотела бы заполучить мою жизнь, как эхо своей собственной увядшей жизни! Как я хотела бы увидеть тебя мертвой!».

В этот момент раздался крик петуха, и обе женщины проснулись. Мать спросила нежно: «Это ты, дорогая?». А дочь ответила не менее нежно: «Да, моя любимая мамочка».

Признание Сына Человеческого

Иисус — сын дочери моей — родился здесь в Назарете в месяце январе. В ночь, когда родился он, к нам пришли мужи с Востока. Это были персы, что пришли в Израиль с караваном путями чрез Египет. Потому-то не нашли они места на дворе постоялом и обрели приют лишь в нашем доме.

Я поприветствовала их, сказав: «Дочь моя сына принесла сей ночью. Верно, вы меня простите, коли не смогу я прислуживать вам по всем законам гостеприимства».

Тогда меня они поблагодарили за данный им приют. А после ужина сказали мне: «Хотели б взглянуть на новорожденного мы».

Сын Марии был красив тогда, да и она сама тоже была очень милovidной.

И когда персы вошли к Марии и младенцу ее, они подали ей злата и серебра, и мирра, и все положили в ногах ребенка.